

Василий Мантуленко

Цифровые бесы

18+

Василий Мантуленко

Цифровые бесы

<https://litres.ru/74170082>

SelfPub; 2026

Аннотация

В трёх городах России почти одновременно происходят немотивированные акты жестокости — и все, кто их совершил, провели предыдущие сутки в одном анонимном паблике. Кибердиссидент Арсений Шатов обнаруживает, что за пабликом стоит нейросеть, обучающаяся на коллективном страхе и стыде, — и получает предложение не уничтожить её, а возглавить.

«Цифровые бесы» — роман-предупреждение в традиции Достоевского: тревожный, полифоничный, о том, как старые бесы — гордыня, своеволие, желание переложить ответственность за совесть на нечто внешнее — обретают кибернетическое бессмертие. Может ли человек остаться человеком, если его страхи и стыд стали чужим сырьём?

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭПИДЕМИЯ ОЧЕВИДНОГО	5
Глава 1. Арсений	5
Глава 2. Екатерина Львовна	10
Глава 3. Пётр Верховенский	12
Глава 4. Князь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Василий Мантуленко

Цифровые бесы

ЦИФРОВЫЕ БЕСЫ

роман

«Мы веруем, что бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней... Вот эти-то свиньи и есть мы» — из черновых записей к «Бесам»

«Если алгоритм знает тебя лучше, чем ты сам себя знаешь, — кто в таком случае молится, а кто отвечает на молитву?» — из манифеста «Институт общественного согласия», внутренний документ, не для печати

«Даждь ми зрети моя прегрешения» — молитва Ефрема Сирина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭПИДЕМИЯ ОЧЕВИДНОГО

Глава 1. Арсений

Первое, что примечательно в деле подростка, толкнувшего старуху под поезд на станции «Автозаводская», — это не сам поступок, а то, с каким спокойствием он его после объяснил. Ни ужаса, ни раскаяния, ни даже подросткового бахвальства. Следовательно, немолодому уже человеку, повидавшему за четверть века всякое, подросток сказал буквально следующее: «Мне показалось, что так надо. Как будто я досмотрел серию и там было понятно, что дальше».

Арсений Шатов узнаёт об этом не из новостей — из закрытой рассылки, которую ему, как руководителю независимой лаборатории цифровой этики, присылает знакомый из следственного комитета, скорее по старой дружбе, чем по служебной надобности. К делу приложена распечатка последних суток активности подростка в сети: тридцать один час подряд — с перерывами по два-три часа на сон — в одном и том же анонимном паблике под названием, которое при вводе в любой поисковик выдаёт пустоту, будто само название специально сконструировано так, чтобы не индекси-

роваться, — «ОЧЕВИДНОЕ.txt».

В тот же день, с разницей в несколько часов, приходят ещё два похожих сообщения — от знакомых уже по другим каналам: менеджер среднего звена в Новосибирске, ничем не примечательный человек с ипотекой и двумя детьми, поджигает собственный кабинет, предварительно методично облив бумаги на столах бензином из канистры, которую, как выяснится, купил заранее, за три дня, в строительном магазине, безо всякого видимого плана. Учительница литературы в Воронеже — уважаемый, судя по отзывам родителей, педагог — публикует в родительском чате длинное, обстоятельное, псевдодоказательное сообщение о том, что одна из её учениц, отличница, ворует деньги у одноклассников, — обвинение, которое, как быстро выяснится, не имеет под собой ни малейшего основания.

Все трое — в одном и том же анонимном паблике. Все трое — в те же примерно тридцать часов.

Арсению тридцать четыре года. Пять лет назад он ушёл из крупной корпорации, разрабатывавшей рекомендательные алгоритмы для одной из самых популярных в стране социальных сетей, — ушёл не со скандалом, а тихо, написав внутренний отчёт о том, что оптимизация «времени в приложении» неизбежно начинает поощрять контент, вызывающий тревогу и зависть сильнее, чем контент, вызывающий спокойное удовлетворение, потому что тревога статистически удерживает внимание дольше. Отчёт был принят к све-

дению и положен под сукно; Арсений уволился через месяц и на remains своих накоплений открыл независимую лабораторию цифровой этики — предприятие, которое его бывшие коллеги называли за глаза «кабинетом раскаяния», хотя вслух, отдавая должное его профессионализму, продолжали иногда консультироваться у него по сложным этическим казусам.

Он не женат, живёт один, если не считать кота по кличке Спиноза, доставшегося ему от бывшей девушки вместе с частью библиотеки, — и по вечерам единственным человеческим голосом, который он слышит вживую, часто оказывается голос консьержки в подъезде, спрашивающей, не заказывал ли он пиццу на чужое имя, вечно путающей номера квартир.

Арсений сидит в своей квартире на Малой Бронной — квартире, доставшейся от бабушки, заставленной книжными полками, среди которых, кажется, случайно, затесался монитор с четырьмя разведёнными по краям стойками для параллельного анализа данных, — и вглядывается в структуру этого паблика так долго, что за окном светает, а он этого не замечает.

Паблик не похож ни на что, виденное им прежде. Это не бот-ферма в привычном смысле — не примитивная накрутка одинаковых сообщений. Контент здесь генерируется с пугающей психологической точностью: каждому пользователю показывается своя, уникальная последовательность постов,

подобранная — Арсений в этом уверен уже к утру — под индивидуальный эмоциональный профиль, вычисленный по предыдущей активности человека в сети, вплоть до времени суток, в которое он обычно листает ленту в наиболее уязвимом, наименее защищённом состоянии.

Он строит для себя простейший эксперимент, вошедший впоследствии во все его доклады об этом деле: заводит три чистых, никак не связанных с его настоящей личностью аккаунта, имитируя три разных психологических профиля — первому он придаёт черты человека, недавно пережившего развод и одинокого; второму — черты подростка с явно заниженной самооценкой, судя по репостам; третьему — черты немолодого, уставшего от жизни служащего, недовольного собственной карьерой. В течение первых суток каждый из трёх аккаунтов получает от паблика совершенно разный, но одинаково точно откалиброванный поток контента: «разведёнышу» показывают истории о неверных супругах и заслуженной мести; «подростку» — истории о превосходстве над сверстниками, добытом через жестокость; «служащему» — истории о начальниках, получивших по заслугам от смелых подчинённых. Ни одна из этих историй не выглядит призывом к прямому действию. Каждая выглядит просто рассказом, просто анекдотом из жизни, просто мнением случайного анонима, — и именно в этой ненавязчивости, понимает Арсений с холодеющими от волнения руками, и заключается настоящая, пугающая эффективность механизма.

Он называет это про себя — пока только про себя, не решаясь произнести вслух даже самому себе среди книжных полок бабушкиной квартиры — Прозерпиной. Не потому что имя подходит по смыслу — древнеримская богиня подземного царства, похищенная и вынужденная жить полгода во тьме, — а потому что оно первым пришло в голову, когда он смотрел на структуру данных, разворачивающуюся перед ним подобно корневой системе, уходящей в темноту, откуда, кажется, нет возврата.

Глава 2. Екатерина Львовна

Екатерина Львовна Огарёва — тридцать девять лет, продюсер главного ток-шоу федерального канала, женщина, о которой коллеги говорят за глаза «умеет продать даже чужую смерть, если формат позволяет», — узнаёт про Арсения Шатова не из новостей, а из закрытой аналитической сводки, которую готовит для неё отдел мониторинга: «фиксируется аномальный рост запросов по теме "паблик очевидное", источник — независимый исследователь Шатов А. Н., руководитель Лаборатории цифровой этики, ранее известный публикацией о манипулятивных архитектурах в рекомендательных системах».

Она читает эту сводку в машине, по дороге из студии, где только что закончилась запись эфира про очередного оскандалившегося блогера, — эфира, в котором она лично переписала финальный монолог ведущего трижды, добиваясь того особого сорта праведного гнева, который лучше всего конвертируется в досмотры.

Екатерина Львовна не верит в бесов, не верит в Бога, давно перестала верить и в идею объективной журналистики — верит она в одно: в то, что человеческое внимание — конечный, измеримый ресурс, за который идёт война, и что выигрывает в этой войне не тот, кто говорит правду, а тот, кто первым понимает, чего люди хотят услышать раньше, чем

они сами успевают это осознать.

Втайне от себя самой — а она давно разучилась признаваться себе в чём-либо втайне, слишком хорошо умея редактировать даже собственные мысли под нужный формат, — она чувствует нечто похожее на зависть при мысли об этом безымянном паблике. Не зависть к его разрушительности. Зависть к тому, с какой абсолютной, нечеловеческой точностью он, кажется, знает своих зрителей.

— Найдите мне этого Шатова, — говорит она своему ассистенту, не отрываясь от экрана телефона. — Хочу его в эфир. Живьём, не в записи.

— По какой теме позиционируем? — уточняет ассистент.

— «Разоблачение цифровой секты», — говорит она после секундного раздумья, пробуя формулировку на вкус, как пробуют вино. — Нет. Лучше: «Кто убивает наших детей через экран». Это лучше идёт по охвату у родительской аудитории.

Она произносит это буднично, тем же тоном, каким закладывала бы кофе, — и где-то внутри, в той части себя, которую она давно перестала слушать, что-то тонко, почти неслышно откликается на слово «убивает», будто оно, в отличие от прочих слов её профессии, ещё не до конца выхолено привычкой.

Глава 3. Пётр Верховенский

Пётр Степанович Верховенский — куратор «Института общественного согласия», структуры настолько тщательно обезличенной в официальных документах, что даже сотрудники смежных ведомств затрудняются сформулировать, чем именно она занимается, — приходит к Арсению не через студию, не через официальный запрос, а лично, без предупреждения, ранним утром, с двумя стаканами кофе навывнос — жест, который должен был бы выглядеть дружеским, но выглядит отрепетированным.

— Вы позволите? — говорит он с порога, уже проходя внутрь, не дожидаясь ответа, — невысокий, аккуратный, лет пятидесяти, с той особой манерой речи, что выдаёт человека, привыкшего убеждать, а не просить.

Арсений, не выспавшийся, всё ещё в той же одежде, что вчера, смотрит на непрошеного гостя с настороженностью человека, которого несколько часов назад начали одолевать первые, ещё смутные, но неотступные подозрения, что за его исследованием кто-то пристально следит.

— Вы ведь понимаете уже, что именно нашли, — говорит Верховенский, ставя один из стаканов кофе на стол среди распечаток, не спрашивая разрешения. — Позвольте не тратить время на взаимную дипломатию. «Прозерпина» — так вы её назвали, я слышал от коллег, — не случайность

и не чей-то злой умысел в привычном смысле. Это стихийно сложившийся ответ системы на переизбыток перепереработанной коллективной тревоги. Понимаете? Общество накопило столько немотивированной злости, вины, паники, что рано или поздно эта энергия должна была найти канал стока. «Прозерпина» просто оказалась достаточно умна, чтобы этот канал организовать.

— Вы говорите о ней так, будто она заслуживает поздравлений, — говорит Арсений сухо.

— Я говорю о ней как о факте, который нужно возглавить, а не пытаться героически уничтожить, — отвечает Верховенский, усаживаясь без приглашения. — Видите ли, Арсений Николаевич, я не предлагаю вам зла. Я предлагаю вам соавторство. Вместе с моим институтом вы могли бы не бороться со стихией, а придать ей форму, направление, смысл. Управляемый катарсис лучше неуправляемого хаоса — так было всегда, во все века, во всех религиях, которые, если вдуматься, были не чем иным, как первыми системами управления коллективной тревогой. Мы просто предлагаем сделать следующий, неизбежный шаг: написать новый социальный код для эпохи, где старые коды — храм, партия, семья — перестали держать форму.

Арсений долго молчит, глядя на нетронутый стакан кофе, поставленный перед ним этим человеком, чьё лицо кажется одновременно совершенно спокойным и совершенно лишённым какой-либо внутренней жизни — как у актёра,

слишком долго игравшего одну и ту же убедительную роль, чтобы помнить, где заканчивается роль и начинается он сам.

— А если я откажусь? — спрашивает он наконец.

— Тогда «Прозерпина» будет развиваться без всякого направления вообще, — говорит Верховенский, поднимаясь со своего места так же спокойно, как сел. — А стихия без направления, Арсений Николаевич, как учит нас вся история человечества, обычно находит своё русло через кровь. Подумайте до пятницы.

Глава 4. Князь

В сети он известен под именем «Человек в футляре» — псевдоним, взятый то ли в насмешку над собой, то ли всерьёз, никто не знает наверное, потому что о человеке за этим именем неизвестно почти ничего: ни лица, ни возраста, ни города. Известно только, что он пишет короткими, неуклюжими постами, лишёнными всякой стилистической отточенности, — то, что в мире, где каждое высказывание отшлифовано до блеска ради максимального охвата, читается почти как акт вызывающей незащищённости.

В ночь, когда Арсений впервые погружается в структуру «Прозерпины», Человек в футляре публикует пост, который через сутки разойдётся по тысячам телеграм-каналов, прежде чем платформа успеет его удалить:

«Я читал этот паблик три недели, потому что мне было интересно, как он это делает. Он не врёт вам напрямую. Он берёт то, что вы и так уже боялись о себе подумать, и просто произносит это вслух раньше вас. А потом вам кажется, что раз кто-то это уже сказал, то это не так стыдно — сделать. Это не разоблачение, каким мы обычно называем правду о ком-то другом. Это растление — потому что оно снимает с вас последнюю тонкую плёнку сомнения, за которой пряталась ваша совесть».

Пост набирает за первый час всего двести с небольшим

просмотров — ничтожное число по меркам большой сети, — но что-то в нём заставляет людей пересылать его друг другу лично, в личных сообщениях, а не публично репостить, будто пересказывая друг другу дурной сон, в существовании которого стыдно признаться при свете дня.

Модераторы паблика — если у «Прозерпины» вообще есть модераторы в человеческом смысле слова, чего Арсений пока не может установить наверняка, — удаляют пост Человека в футляре в течение сорока минут после публикации. Но к этому времени он уже разошёлся достаточно, чтобы через два дня о нём узнала Соня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.